

НАША СТРАНА

Год издания—52-й. Буэнос Айрес, суббота 11 декабря 1999

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 11 de diciembre de 1999 N° 2573-2574

МИРАЖИ СОВРЕМЕННОСТИ

НЕЛЕПОЕ ГОСУДАРСТВО

Мы имеем в виду то, которое, справедливо не осмеливаясь именовать себя Россией, укрывается за безобразной аббревиатурой "РФ".

Внешняя его политика характеризуется прочным союзом с Красным Китаем. Но такой союз, основанный целиком на идеологии, имел смысл при большевиках, ориентировавшихся на создание **Земшарной Республики Советов**. Теперь — он представляет собой абсолютный нонсенс.

Другая особенность международной тактики Эрефии, — совершенно противоположной подлинным интересам настоящей России, — есть активная поддержка арабских тоталитаристов, являющихся наследниками национал-социалистов (не зря за этими мелкими диктаторами уже закрепилось прозвище "маленьких Гитлеров").

Это уже есть следование деструктивному принципу *an und für sich*, во вред себе и другим, лишь бы подорвать мировую стабильность.

Внутри страны перед нами картина дряхлеющего распада: великая империя разбита на куски, которые все несчастны, и чем дальше, то хуже. Отделившиеся части живут в еще худшей нищете, чем сама Эрефия, раздираемые беспорядками, переходящими порою в междоусобные войны.

На культурном фронте мы наблюдаем процесс разрушения русского языка и всех тех элементов русской культуры, которые пережили даже большевизм. Дело вплотную подходит к искоренению русского духа, самого драгоценного, чем располагала наша нация.

Делается это во имя мечты превратиться в Америку. Но, между прочим, Америка-же тут — с обратным знаком.

США отнюдь не желали распадаться; напротив, они непрерывно расширялись, — и близки сейчас к вожделенному ими мировому владычеству.

Они жадно хватили все, что плохо лежало, за счет испанского и, увы, русского наследия: территории Мексики, Аляску, русскую Калифорнию...

А то, что не смогли захватить вооруженной силой, — подчинили (и продолжают подчинять) себе экономически.

Теперьшнее устремление последовательной России (если

можно все же так назвать оставшийся от нее обломок...) есть самоубийство, самоуничтожение.

Одна надежда: на то, что здоровые элементы, отталкиваясь от сей губительной тенденции, породят, в конце концов, словами А. К. Толстого:

**Течение встречное,
Против течения...**

СМЕНА ВЕХ

После разгрома Германии, во Франции установился жуткий период, вошедший в историю под именем *liberation*.

Над русской эмиграцией воцарились надолго советские патриоты, вышедшие из ее же недр гнусные ренегаты. Одна из их функций была, в контакте с советской репатриационной миссией, выявлять и предавать в ее руки новых эмигрантов, — не желавших возвращаться на родину власовцев, остовцев — людей, в особенности интеллигентов, воспользовавшихся войной, чтобы бежать от сталинской тирании. За каждого выданного щедро платили; жаль, не помню уже теперь сколько (сумма не раз называлась и уточнялась в кругах не советски настроенной эмиграции).

Терроризировали эти предатели и старую эмиграцию, запугивая противников обвинениями в **коллораации**; а под коллораацию можно было тогда подвести любое проявление антикоммунизма.

Русская печать была целиком захвачена совпатриотами: "Русские Новости"; "Советский Гражданин", "Честный Слон". Только С. Мельгунов героически выпускал маленький антибольшевицкий журнал, меняя (по требованию властей) название при каждом новом номере.

В конце концов, — слава Богу! — французам терпеть надоело. Они устроили обыск в лагере Борегар под Парижем, где содержались захваченные большевиками советские граждане, и обнаружили там много противозаконного. Головка советских патриотов была выслана в СССР; в том числе видный масон И. Кривошеин. Ему, между прочим, как он сам рассказывал позже, ехать не хотелось, — иное дело посылать других!

Вот тогда и была создана, при поддержке иностранцев, "Русская Мысль", — левая по духу, с февральским уклоном (чуждым большинству эмиграции), но все

же антисоветская. Почему ее масса русских беженцев и поддержала.

Прошли долгие годы. И вот, с изумлением читаем в этой газете апологию парижских совпатриотов!

Сын помянутого выше И. Кривошеина горько жалуется на страницах "La Pensée Russe", что мол говорят с сочувствием о выданных казаках и власовцах, а о добровольно репатриировавшихся эмигрантах молчат.

Им, поистине, на родине пришлось несладко. Из них лишь единицы как семья Кривошеиных смогли выбраться на Запад, используя старые связи. Но на что они рассчитывали, идя на службу к Сталину? Благодарность? Большевикам подобные сентименты чужды... По совести говоря, — они, перебежчики, получили то, что заслуживали.

А. Никонов

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ

За последние годы полностью сменилось поколение ведущих западных политиков. Контраст между новыми и старыми лидерами разителен. На Западе и на Востоке мало кто сомневается, что действиями правительств руководят могущественные закулисные силы. Только наивные люди думают, будто президенты и премьер-министры самостоятельно формируют политику своих стран. Но деятели старого поколения хотя бы внешне внесли в нее какой-то элемент индивидуальности и заботились о соблюдении буржуазных приличий. Можно не любить Рейгана и Тэтчер, но нельзя назвать их ничтожествами. Малопримечательная фигура — канцлер Коль. Всю жизнь он трудился над разрушением Германии в Европейском сообществе. Но ему была свойственна некая бюргерская солидность. Иной раз он даже высказывался в защиту семьи и Церкви. Даже Миттеран и канцлер Шмидт обладали каким-то индивидуальным почерком. Все эти политики были все-таки личностями.

Их наследники совсем другие люди. Какие чувства может вызвать президент сильнейшей страны мира, который чуть ли не в своем рабочем кабинете занимается блудом, президент, чья деятельность началась с разрешения гомосексуалистам служить в армии? Или министр иностранных дел, который, напившись пива, самозабвенно строит гримасы перед фотообъективами? Или канцлер, отвечающий

Н. Кривошеин почтительно упоминает об имевшихся в их среде священниках. Лучше бы ему о них забыть. Их имена — Шевич, Замбрицкий, Старк вошли в историю с недоброй репутацией.

А сравнивать себя и своих с подлинными жертвами большевизма, выданными согласно преступному ялтинскому договору, — это уж верх неприличия!

Вы и Ваши, г-н Кривошеин, ехали по своей охоте (и других тянули), а тех гнали штыками и прикладами. Как говорится, две большие разницы!

А вот парижский русскоязычный еженедельник сделал-таки крутой вольт. Поистине, сжег чему поклонялся и поклоняется ныне тому, что сжигал!

ЕЛИЗАВЕТА ВЕДЕНЕЕВА

презрительной ухмылкой на обвинение в некомпетентности? Их предшественники создавали хотя бы иллюзию индивидуальности в политике. Новое поколение не утруждает себя и тем. Невооруженным глазом видно, что такие люди не могут управлять государствами. Они — паяцы, с восторгом барахтающиеся в полной кормушке, в которую их уронила мировая закулиса. Они готовы между делом выполнить любой ее приказ, разбомбить кого угодно, санкционировать что угодно, нарушить правовые формы, не говоря уже о нравственных, — только бы им позволили и дальше играть сильных мира сего.

Политикам старого поколения противостоял вооруженный до зубов советский блок. Хорошо или плохо, но они внесли свой вклад в его гибель. Их карьера начиналась под знаком Караибского кризиса, Вьетнама и Берлинской стены. Их наследникам не угрожает никто и ничто. У этих самым сильным впечатлением юности была сексуальная революция конца 60-х годов. Отчасти они напоминают дорвавшихся до власти комсомольцев. Деды последних могли получить белогвардейскую пулю или попасть в сталинский застеночек. Отцы — в результате хитрой интриги лишиться кремлевского спецпайка. Они же надежно застрахованы от подобных неприятностей и гуляют вовсю.

В какое странное время мы живем...

А. Никонов

ПЕЧАТЬ

КГБ В ИТАЛИИ

Выпишем отрывок из обзора западной прессы пера И. Илювайской, в "Русской Мысли" от 14 октября с.г.:

"Сейчас мы упомянем о сюжете, который в данный момент будоражит Италию... Речь идет о книге, только что напечатанной в Великобритании; ее авторы — британский историк Кристиан Андерсен, преподающий в Оксфорде и советский разведчик-перебежчик, выступающий под фамилией Митрохин. Книга, в частности, содержит некоторые данные, которые, оказывается, уже много лет постоянно передавались итальянским властям и касаются итальянских граждан, так или иначе находившихся на службе у советских "органов" как шпионы или как агенты влияния. Речь идет о периоде "холодной войны", а те, кого обвиняют в сотрудничестве с КГБ — повидимому, люди занимавшие высокие посты в итальянской экономической, политической и культурной жизни".

Странная неувязка! "Фигаро" от 11 октября с.г. называет английского автора книги Кристофер Эндрю и дает его портрет, а рядом фотографию обложки книги с именами Christopher Andrew и Vasili Mitrokhin.

Или тут налицо псевдоним? Но тогда "Русская Мысль" могла бы объяснить подробнее... Иль мы имеем дело просто с ошибкой? Очень курьезной, в таком случае...

РОССИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

В "Русской Мысли" от 4 ноября с.г. напечатано интервью с "председателем парламента автономной республики Аджария" Аслином Абашидзе.

Выпишем оттуда следующие слова:

"А я вам прямо скажу, что я за дружбу со всеми народами, в том числе и с Россией. Когда Грузия вошла в состав России, было 430 тысяч грузин, а когда вышла из Советского Союза — 5.5 миллионов. И не надо забывать, что все это время мы прошли на плечах России, что Россия помогала нам развивать и науку, и культуру, и экономику, и многое другое. И хорошо известно, что сама Россия хуже нас жила в советские времена. Я так считаю: можно ругать советский режим, но нельзя охаивать русский народ, это преступно. Вот моя позиция!"

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Демонстрация имперцев против празднования годовщины французской революции (о которой рассказывалось в "Нашей Стране" номер 2557-58) может казаться несерьезной. Но

на деле она выражает глубокую и верную мысль.

Мировые события связаны. Революция в Испании, в Абиссинии, в Чили так или иначе, рано или поздно, отражается в России. Тем уж более отразилась французская революция; в дальнейшем все другие опирались на ее опыт, в том числе, конечно, наши февральская и октябрьская.

Думать, что Россия может отгородиться ото внешнего мира есть близорукость. Мы можем не желать к нему прикасаться, но он к нам всегда прикасался и поныне прикасается.

ВЕЛИКИЙ ЯЗЫК

С архимандритом Анастасием Загарским у меня, как видно, — некоторое сродство душ. Я тоже люблю испанский язык и считаю его самым красивым по звучанию в пределах Европы, если не всего мира.

Правда, я люблю не только разговорный кастильский язык, но и созданные на нем великие литературу и поэзию. Некоторые авторы как Кальдерон, Эспронседа, Бекер и ряд других, не менее близки моему сердцу, чем лучшие произведения российской словесности.

ИДЕЯ И ПРАКТИКА

По поводу дискуссии в "Нашей Стране" между Ю. Шиловым и А. Никоновым, хочется сказать следующее:

Монархическая идея, конечно, бесконечно глубока. Но ведь от рядового человека, так сказать обывателя, не требуется проникать во все ее сложности и проблемы. Ему бы довольно отказаться от большевицкой идеологии, от морали а la Павлик Морозов, от воинствующего атеизма. А взамен он бы, при восстановлении монархического строя получил бы устойчивость и порядок внутри страны, признание и уважение за ее пределами, словом возможность мирной, спокойной и потому счастливой жизни.

Как и от рядового христианина не требуются подвиги аскетизма, а лишь соблюдение заповедей, без которого существование превращается в ад, — что мы и видели при царствии Советов.

СТОРОННИКИ МОНАРХИИ

Бюллетень "Nouvelles du Mond Orthodoxe", № 34 за 1999 год, сообщает следующее.

На подсоветской телевизионной, по 6-му каналу, который слушает главным образом молодежь, был поставлен вопрос: "Должно ли бы православие снова стать государственной религией?"

Из 450 ответов только 110 были отрицательными.

Две трети слушателей высказались за, и объявили, что они также желали бы восстановления монархии.

В. Р.

ПИСЬМА ИЗ РОССИИ

ТВОРЧЕСТВО СОЛОНЕВИЧА

Журнал "Москва", издавший среди прочего уже известную книгу "Белая Империя" И. Л. Солоневича, в этом, 1999 году, продолжая свою серию "Пути русского имперского сознания", переиздал никогда полностью не издававшуюся в России другую книгу Ивана Лукьяновича — "Россия в концлагере".

В дальнейшем журнал "Москва" предполагает, по возможности, издать несколько сборников работ И. Л. Солоневича, для чего нам понадобится ваша помощь. Вы любезно переслали нам уже следующие книги: "Великая фальшивка февраля", "Россия в концлагере", "Диктатура Импотентов", "Диктатура Сволочи", сказку "Хозяева" (которая скоро появится в одном из московских журналов), "Роман во дворце труда". Мы очень благодарны вам за это.

Нам бы очень хотелось иметь также его роман "Две силы" и его статьи периода "Нашей Страны" (как можно более полное собрание статей). Убедительно просим вас прислать их нам. К Ивану Лукьяновичу в России сохраняется стойкий интерес; поэтому нам хотелось бы представить его творчество, как публицистическое, так и художественно-публицистическое в наиболее полном объеме.

Язык рассуждений Ивана Лукьяновича очень доходчив и понятен массам пост-советского населения России. Именно поэтому издание наиболее полного собрания сочинений этого автора очень важно для нас, для нашего журнала и для наших читателей. С Богом!

Михаил Смолин (Москва)

ОТ РЕДАКЦИИ: С радостью и благодарностью мы приняли известие, что "Россия в концлагере" издана на родине и незамедлительно выслала М. Б. Смолину от 1-го до 182-го номера "Нашей Страны", то есть все те выпуски в коих были напечатаны статьи И. Л. Солоневича, плюс несколько номеров с отзывами на его смерть. Мы также выслали "Москве" советские зарисовки Ивана Лукьяновича, изданные в 1937 году в Софии под заглавием "Памир" и книжку "Что говорит Иван Солоневич" (Буэнос Айрес, 1954), с просьбой, по использованию, все передать в солженицынскую Библиотеку-Фонд "Русское Зарубежье". То, что мы никогда не могли послать "Москве" — это "Диктатуру сволочи"; по той простой причине, что такой книги Солоневич никогда не писал. Под этим самовольным заглавием была выпущена в РФ брошюра, включающая ряд глав одной из книг Ивана Лукьяновича. (Мы уверены, что И. Л. Солоневичу такое самочинство, и тем более, такое заглавие пришлось бы сильно не по душе). Вероятно глубокооубажаемый М. Б. Смолин имел в виду "Диктатуру Слая", действительно посланную ему нами. Честь и слава "Москве" — разумеется, не толь-

ко за "Россию в концлагере" и "Белую Империю", но и за переиздание Л. А. Тихомирова и других авторов-почвенников. Спасибо за то, что редактируемый бывшим членом Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа Л. И. Бородиным журнал "защищает Россию книгами".

Кстати, в этом плане, почему бы в серию "Пути русского имперского сознания", — где вышли, благодаря журналу "Москва", труды Солоневича и Тихомирова, — не включить также работы покойного сотрудника "Нашей Страны" Бориса Башилова, идейно им весьма созвучного? В издании "Нашего Современника" опубликована его "История русского масонства", но еще остаются не востребованными "Политический справочник: монархия, диктатура, республика", "Миф о русском сверхимпериализме", "Унтерменши, морлоки или русские", "Пламя в снегах", "Незаслуженная слава" и многие другие его книги. Мы посылаем М. Б. Смолину ряд книг Башилова, в том числе вышедший в издательстве "Наша Страна" в 1960 г. том 1 (увы, оказавшийся единственным) его "Собрания Сочинений", содержащий отзывы об авторе таких писателей как Георгий Гребенщиков и Борис Ширяев, и ряд его произведений, в частности повесть "Кто враг" — о Русской Отдельной Народной Армии (РОНА), где он служил, до того как поступил в РОА.

НУЖНЫЕ КНИГИ

Обращаюсь к редакции "Нашей Страны" и ко всем ее читателям. Я православный христианин юрисдикции Московской Патриархии, давнишний читатель вашей газеты. У нас, в России, сейчас нет проблем ни со святоотеческой литературой, ни с мемуарной о Государе Императоре Николае Втором. Однако нигде не переиздаются литературные и мемуарные труды огромной части России — русской эмиграции первой волны, вышедшие за рубежом.

Очень прошу всех, кто может откликнуться, если возможно, найти следующие книги и выслать их мне (адрес: Санкт Петербург 191002, ул. Достоевского д. 13 кв. 8, Шинкаренко, Павел Викторович):

Воспоминания генералов Юденича и Родзянко; Вс. И. Иванов "В гражданской войне" (Харбин, 1924); "Огни в тумане" (1932); барон Меллер-Закомельский "Станный вопрос" (Берлин 1923, Париж 1923); Курлов "Гибель Императорской России" (Берлин 1923); И. Ф. Наживин "Среди потухших маяков" (Берлин, 1922); Раковский "В стане белых" и "Конец белых"; книги генерала Н. Шинкаренко (псевдоним "Белогорский"); труды генерала Едрихина, начальника штаба у Юденича; стихи князя Ф. Н. Касаткина-Ростовского.

Книги эти очень здесь нужны, это огромное белое пятно в русской истории.

П. Шинкаренко (СПб)

ОТ РЕДАКЦИИ: Известно ли читателю, что Раковский был ярким ненавистником белых и что его книги, хоть и изданные за границей, дышат злобой и клеветой?

СВЕТЛАНА ЮРКЕВИЧ (Курск)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ

О том, что Борис Башилов, то есть мой отец, Борис Платонович Юркевич, писал и издавал свои книги за рубежом, мы знали еще в 50-х. Узнали в дальнейшем и об его большом труде "История русского масонства". Но видеть, ни одной не видели, и конечно же, ни одной не читали. Где же нам было достать эти книги: за таким железным занавесом жили! А о том, что эти книги будут изданы у нас в России, в Москве, что будут открыто лежать на книжных прилавках и не мечтали.

Но какая злая ирония судьбы: книги издаются "Нашим Современником" в России год за годом, начиная с 1992-го, а мы узнаем об этом только в 1998-м! И живем то в Курске (8 часов поездом от Москвы).

Да и то еще очень горько: моя мать, Лидия Шелест, ждавшая мужа своего 45 лет, так и не дождалась не только его самого, но даже и книг не увидела, не взяла в руки, не прочитала их.

Сколько маме пришлось вынести, выдержать! И как твердо надо было стоять на ногах, какой волей нужно было обладать, чтобы не упасть, не пропасть вместе с детьми оставшимися на ее руках.

Она писала:

Я не знаю какой дорогой
Ты ушел и куда идешь,
У какого стучишь порога,
Сам какого ты гостя ждешь.

Если крикну я — не услышишь!
Стану звать тебя — не придешь!
Ночь глухая... терзают мысли...
Где ты, друг мой, куда идешь?

Это неизбывное горе — разлуку, принесла война. А и раньше бывало ей тяжело, да так тяжело, что душа мертвела, сердце леденело...

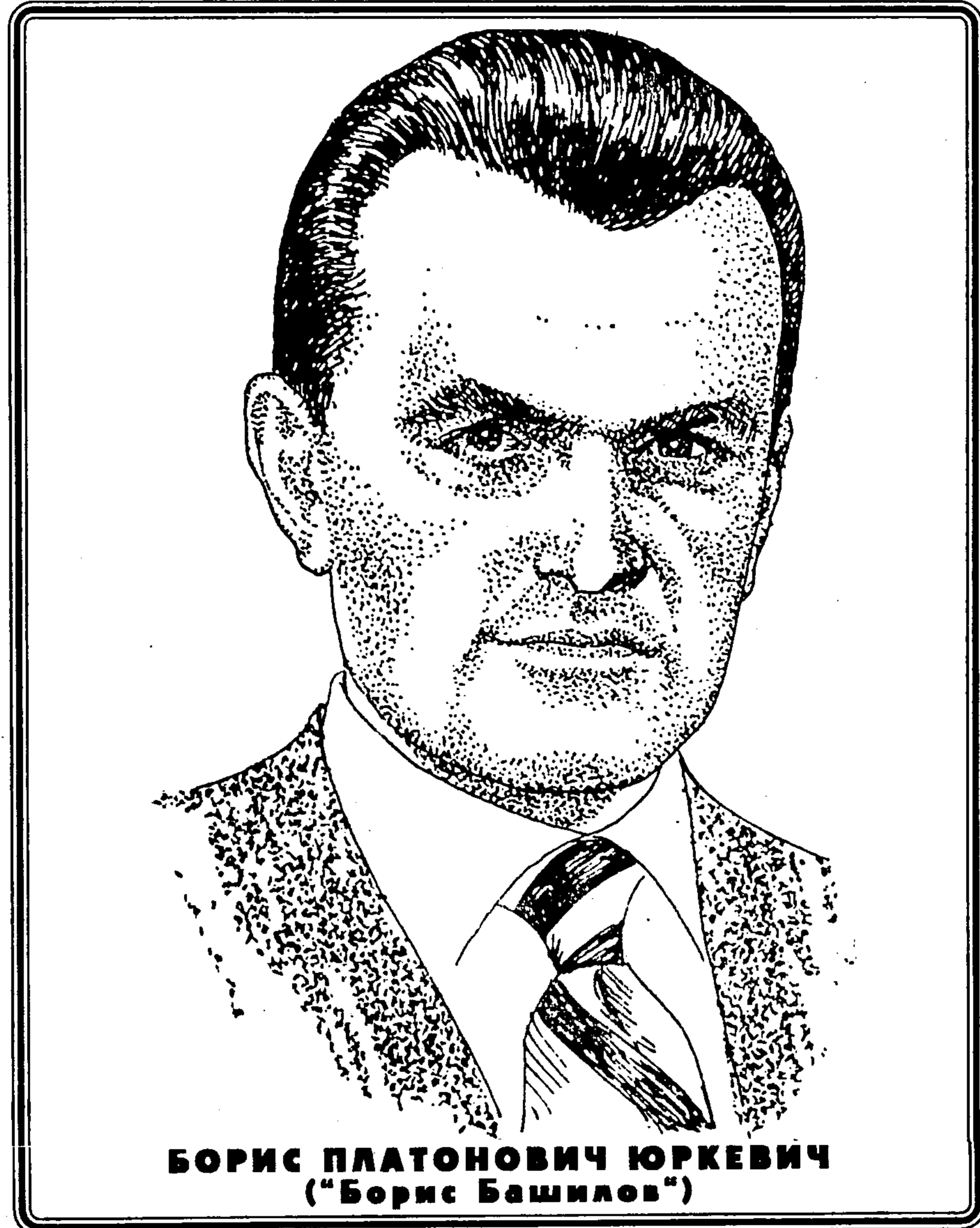
Жили мы в Туруханске, Архангельске, а это были места ссылки. Кругом ссыльные в страшном, бедственном состоянии: истощенные, полураздетые, с малыми детьми.

В Архангельске мне было 5 лет, но помню... Вижу, как мама стояла перед отцом на коленях и умоляла его: "Боречка! Это бесполезно, бессмысленно, а у нас дети... Пощади их!" Она даже не плакала, а только, пытаюсь удержать, хватала его за руки. А он все к двери, к двери...

Это он нес в редакцию газеты, где оба работали, статью, полную гнева и возмущения. Я часто слышала его: "Да что же они с народом делают: так терзать столько лет! Сколько же можно молчать? Я — больше не могу!". Но молчал из-за нас, семьи своей. На ночь одевал кожаный шлем, что остался от его полярных плаваний. Он вшил в него с боков персиковые косточки, чтобы закрыть уши, чтобы не слышать

терзающего душу вой сирены "черного ворона" — машины, которая забирала по ночам арестованных.

лия его предка с материнской стороны. И до сих пор хранится у нас старинный картон с графическим изображением

БОРИС ПЛАТОНОВИЧ ЮРКЕВИЧ
(**"Борис Башилов"**)

Но молчал только до первой возможности говорить — до немецкого плена. Попал в окружение в самом начале войны. В 1942 году приходил домой, в оккупированный Курск, попрощаться. Сказал, что пошел работать в русскую газету, издававшуюся на оккупированной территории, чтобы сказать, написать то, о чем давно хотел кричать во весь голос. И он выполнил то, к чему шел долгие годы. И уходил с родной земли, унося с собой горсточку ее: знал, что прощенья не будет, знал, что уходит надолго, может быть навсегда. Звал с собой всех нас, но мать сказала: "Нет". Остались. Натерпелись. Не роптали. Выжили.

Проводив тогда отца через заснеженный сад до калитки, мать вернулась, заледеневшая от горя, и нашла прощальное письмо: "Милый Эдельвейс! Я верю: мы обязательно встретимся. Верь в это и ты..."

И с того часа до 1956 года (14 лет!) не знали мы об отце своем ничего. И вдруг... Совершенно неожиданно-негаданно узнали его аргентинский адрес. О нем сообщил человек, вернувшийся из Аргентины. Он работал в той типографии, где печатались книги Бориса Башилова. Ему будто бы Башилов рассказывал, что он курский журналист Борис Платонович Юркевич. Фамилия Башилов не явилась для нас новой: это была фами-

роскошного кабинета А. А. Башилова. Упомянуты тогда были этим человеком из Аргентины и еще две фамилии, взятые отцом: Михаил Тмарцев и Поморцев.

На первое письмо отправленное матерью в Буэнос Айрес, Б. Башилов ответил, что он не является ее мужем и никакого отношения к Б. Юркевичу не имеет. Но письмо было очень теплым, с обещанием помочь найти мужа. И, главное, была включена в него одна, чисто наша семейная, "летучая" фраза, которую мы и по сей день (с ранних лет) частенько произносим. "Блины хороши горячие, а рыба хороша жирная". Эту истину мама изрекла как-то еще в Туруханске. Да и Башилов с горечью написал, что старость ему придется коротать с попугаем, говорящим по-русски, да с черепахой Моккой. А так мы звали в Архангельске черепаху, которую отец привез, нам, детям, из Геленджика. Какие же могли быть сомнения? Борис Башилов ясно давал нам знать, что это он — наш отец.

Отрекаясь от своего имени, от себя самого, отец, конечно, хотел оградить свою семью от преследований, от репрессий. Не верил, что женщина могла открыто и спокойно переписываться с мужем-эмигрантом, книги которого печатаются в

буржуазных странах. Да кроме того, им, Юркевичем, была еще написана книга о Сталине. И, конечно, автор такой книги даже и после смерти Сталина не мог быть уверен в полном прощеньи, как не мог быть уверен и в стабильности наступивших после смерти Сталина перемен. Не поверил он, что наступило, наконец, время, когда дети у нас перестанут отвечать за отца. Да и что было бы с Башиловым-Юркевичем, если бы он поверил и вернулся? Ведь в 60-х, со сменой правительства, изменилось многое... Своих диссидентов не миловали, а уж "блудному сыну" какая встреча была бы уготована...кто знает?

От Башилова некоторое время шли письма. Были они очень хорошие, как от близкого, родного человека. Потом он замолчал. И вдруг неожиданное послание из Парижа от неизвестного нам Николая Николаевича Кузнецова — директора лаборатории "Калефлуид". В конверте — только рекламный проспект лекарства, эликсира жизни, выпускаемого этим научным учреждением. А на полях его, слова: "Ваши стихи мне очень нравятся". Именно такими словами обещал дать о себе знать когда-нибудь отец, уходя в страшном 1942 году.

После этого, 1957-го года, письма из Парижа шли постоянно, около 30 лет. Почерк был похож на отцовский, но... Нам и неважно было, чьей рукой они были написаны, или потом переписаны. По своей заинтересованности жизнью нашей семьи, по выражениям радости при получении наших фотографий или маминых стихов было ясно, что это письма мужа, отца, деда.

В начале 60-х годов стихи моей матери печатались в газете "Голос родины", а наши устные обращения к отцу были переданы одноименной радиостанцией. На то и другое сразу же приходили радостные отклики, и опять же... от Н. Н. Кузнецова: "Я читал Ваши стихи в газете, она рассылается по всему свету. Я слышал ваши голоса по радиостанции "Голос родины". Я думаю, что и муж Ваш тоже слышал эту передачу и скоро откликнется". Н. Н. Кузнецов делал вид, будто усиленно ищет Юркевича, мы — что верим, будто он не знаком с отцом и пишет письма лично от себя.

В письмах всегда половина содержания относилась к жизни ученого, врача Кузнецова. Другая отражала чувства, размышления, надежды, воспоминания отцовские, его ответы, реакцию на события нашей жизни (и никаких фактов из жизни своей, башиловской). Всегда надо было думать над письмами, разби-

раться, что к чему относится.

Потом он вдруг написал: “Живите своей жизнью, больше мужа не ждите”. Конечно, это было сообщено нам решение отца: не возвращаться. Что-то случилось с Башиловым. Женится, умер?

Но нет: не умер. Письма от Кузнецова шли еще почти 20 лет, и было в них часто написано такое, что мог знать только Юркевич, наш отец. Правда, “не ждите больше” было написано сразу после государственного переворота у нас, когда Хрущева сменил Брежнев и “оттепель” в политике закончилась, опять начались гонения на инакомыслящих, на несогласных с проводимой политикой. Многие вернувшиеся из эмиграции были тогда отправлены в заключение, в эти страшные места: на Соловки, в Воркуту, в Магадан. Но, видно, за рубежом лучше были осведомлены о том, где оказываются люди, поверившие, что все “грехи” им прощены. А мы продолжали его звать, еще не улавливая происшедшей в политике перемены. Вероятно его чутье, его большой ум подсказали ему, что для всех будет лучше, если он так и не вернется.

А Лидия Шелест, все ждала, писала:

Не верю в то, что не дождусь.
Я верю в счастье скорой встречи!

И только одного боюсь,
Что вдруг надвинется, как вечер,

Небытие... Одно оно
Надежду светлую задушит...

“Не ждите больше” было написано в 1968 году, а письма

из Парижа шли и шли: и в 70-х и в 80, 81, 82, 83, 84 годах. И были они все также полны слов нежности и любви, благодарности за каждое присланное ему письмо. А сколько умиления по поводу фотографий внуков...

И последнее письмо в 1984 году, адресованное уже мне: “Низкий поклон Вам от меня за то, что Вы ради мамы оставили работу редактора. В наше время мало кто способен на подобный поступок”. Ну, можно ли подумать, что чужой человек отвечает поклоны чужой дочери за то, что она как должно ухаживает за своей матерью? Вряд ли... Так хотелось бы думать, что это последнее письмо было от отца... А потом кто-то умер: Башилов или Кузнецов? А может отец после смерти Кузнецова не нашел посредника для переписки?

Очевидно Б. Башилов всегда боялся за нас. Опасался, что, не имея возможности добраться до него, до автора таких книг, расправятся с нами.

Трудно сказать, справедливы ли были его опасения. Ведь об этих именно книгах нам говорилось еще в начале 50-х годов. И нам власть предержащие тогда же советовали: “Пишите ему: пусть возвращается и спокойно пишет свои книги на родине. Настоящему гражданину дан большой талант — незачем рассеивать его по свету”. Мы верили, что за этими словами нет подвоха, и звали, и звали... Он же ничему и никому, видно, не верил, раз не решился вернуться. Но за нас, как выходит, он боялся напрасно — не тронули ведь,

не сослали в тундру. Живем в том же старинном доме, из которого он ушел в июле 41-го.

Тот же дом... и те же вещи...
И большой каштан в саду...
Дождь с утра сегодня хлещет,
Говорит: “Иду-иду”...
Ждать теперь тебя я стану,
Как когда-то до войны,
Ты придешь, и стукнешь в ставню...
Я такие вижу сны.

Но не пришел, не стукнул в ставню... Может тогда и правильно сделал, что поостерегся... Ну, а теперь времена у нас другие: давно уже говорится и пишется то, о чем и подумать-то не смели раньше.

Мы узнали, что в 1946 году Башилов работал секретарем газеты “Посев” в Западной Германии, был участником организации НТС и Суворовского Союза.

Умоляем: расскажите нам об отце нашем все-все, что о нем знаете. Не так же много, вероятно, в Буэнос Айресе русских, чтобы не знать им друг о друге. Может, есть люди, которые близко знали Бориса Башилова, общались с ним?

Нам дорога каждая крупинка сведений о нем. Я пишу книгу о большой любви, над которой оказались не властны ни время, ни расстояние. Их сердца всегда были слиты воедино. И даже если он жил в Аргентине не один — была у него жена или подруга — это ничего не меняло. Да мы были бы даже рады, что он там, вдалеке от всех кто любил его, был не один! Что страшнее полного одиночества? Иногда мама теряла надежду на встречу на земле и тогда обращала

взор свой на небо:

Не знаю кем проложен
Над нами млечный путь,
Мы встретимся быть может,
На нем когда-нибудь.
Но льется в бесконечность
Та звездная река,
И, может быть, до встречи
Еще пройдут века...

В 41-ом мы трое (у меня еще брат) провожали его на фронт. Ему было всего 33 года, и был он стройный, с черными как смоль, волосами, синими прекрасными глазами — очень красивый, всегда серьезный. В 1942 году глухой, темной, лютоморозной ночью постучал в закрытую ставню и вошел в холодный дом совсем другой, очень худой человек, совершенно седой, с белой бородой. А сколько тоски и боли, сколько любви и нежности было в его глазах, когда через несколько дней уходил он от нас навсегда. Предчувствовал он это, наверное, знал, понимал...

А каким его видели в Аргентине? Как он ходил: шаркающей, старческой походкой? Был дряхлым, может быть согбенным? Как общался, держался с людьми, был замкнутым, молчаливым или общительным? Как был одет: нищенски или элегантен?

Умер... когда же, в каком году? А может быть, и сейчас жив? Ему 91 год был бы. Живут и больше... Найти бы... Увидеть его, руки поцеловать, погладить их, прижать его к сердцу, пусть бы он даже и не узнал нас, не понял кто это. В любом состоянии, только бы дышал он...

СВЕТЛАНА ЮРКЕВИЧ

Т Р И Б У Н А Ч И Т А Т Е Л Я

БАШИЛОВ И ВЛАСОВ

С. Ю. Куняев издал “Историю русского масонства” Бориса Башилова. Отвеку непримиримый борец против коммунизма, борец за родину, всю свою жизнь Башилов посвятил творчеству во славу России. Его романы для юношества, наряду с захватывающими описаниями его арктических путешествий, а также и публицистика, читаются с большим интересом.

В эмиграции достаточно известный, в Аргентине он занимался журналистикой и распространением книг и знаний об истинной российской истории, а также борьбой с русофобией, насаждаемой повсеместно на Западе.

Будучи активным борцом с любыми антирусскими силами, он участвовал в Русской Освободительной Армии генерала Власова в чине лейтенанта.

Курьез — очень неприятный — заключается в том, что С. Ю. Куняев, уважая и публикуя Башилова, одновременно позволил себе опубликовать в “Нашем Современнике” грязный пасквиль

о личности генерала Власова, которого Б. Башилов очень уважал. Даже если С. Ю. Куняев и считает генерала Власова своим политическим противником, ушат помоев — не самое благородное оружие.

Светлана Беликова (Аргентина)

РУССКИЙ БУЭНОС АЙРЕС

Пишет вам аспирантка Факультета Испанской Лингвистики и Литературы Университета г. Питсбурга. Большое спасибо за то, что сочли возможным ответить на мой телефонный звонок и выслать четыре номера вашей газеты. Читать ваше издание было чрезвычайно интересно. В особенности, как лингвисту, хотелось бы отметить рубрику “Языковые уродства” Аркадия Рахманова. Впервые услышав о “Нашей Стране” летом этого года в Москве — случайно увидела и прочла в “Родине” перепечатку статьи из “Нашей Страны” о русских белых организациях в Аргентине — была удивлена тем, что в Аргентине сохранилась и активно действует по сей день русская

эмиграция “первой волны”. Поразил и тот факт, что издаетесь вы уже 52-ой год!

В настоящий момент я работаю над проектом докторской диссертации, цель которой изучить и проанализировать феномен русско-испанского двуязычия. Я поняла, что в Буэнос Айресе проживает весьма многочисленное сообщество людей говорящих по-русски, так как в городе издается ваша газета, работают две школы и библиотека, есть Воскресенский Кафедральный Собор и т. д. Эта информация дает мне возможность предположить, что русский язык и культура бережно хранятся в вашем сообществе и передаются из поколения в поколение. Тема контакта и сосуществования двух самобытных языков и культур интересует меня как лингвиста. Я бы хотела посетить Буэнос Айрес с тем, чтобы поближе познакомиться с русскоговорящими жителями Аргентины. Очень рассчитываю на помощь вашей газеты в установлении контактов. Планирую посетить Буэнос Айрес в конце декабря — начале

января. Если повезет и смогу установить достаточное количество контактов, думаю, смогу проработать в Аргентине 4-6 месяцев.

Н. Кабанова (США)

НЕ ТРОГАТЬ ЕЛЬЦИНА

Я считаю нападки на Ельцина нерациональными. Пусть это делают другие (я им мешать не стану); но я не буду.

По всем (многообразным) данным он бы хотел убрать мумию Ленина, закрыть компартию и даже восстановить монархию. Ему мешает окружение, состоящее из самой сволочной номенклатуры, разогнать или изменить которое он не в силах (или не осмеливается).

Его уход или смерть не принесут нашему делу ни малейшего добра. Напротив, скорее всего, принесут тяжелое зло.

Его сменил или перекусивший коммунист из псевдомократов, — во всяком случае ярый антимонархист, — или прямой большевик; а это уж — хуже некуда.

Так что разумнее его не трогать.

Г. Криваго (Италия)

НИКОЛАЙ КАЗАНЦЕВ

ТАЙНА БОРИСА БАШИЛОВА

“Настоящая правда всегда не правдоподобна...”

(Фраза Достоевского, служащая эпиграфом башиловского альманаха “Былое и грядущее”)

Когда в 60-х годах, еще студентом, я стал участвовать в редактировании “Нашей Страны”, одним из первых моих вопросов издательнице Т. В. Дубровской был: “Почему в газете больше не пишет Борис Башилов?” Татьяна Владимировна ответила: “Он решил, что все свое время будет уделять писанию книг”.

Башилов (которого мы все знали как “Михаил Алексеевич Тмарцев”) для меня был неотделим от газеты. Он не только сотрудничал в ней с первых номеров, но даже был автором ее девиза, печатающегося над “шапкой”, и по сей день привлекающего особое внимание. И я решил позондировать почву лично, боясь, не является ли настоящей причиной какая-нибудь обида на другого сотрудника? (Явление, увы, весьма частое в эмигрантской прессе).

Однако оказалось, что если у Башилова и была обида, то на обще-эмигрантское непонимание, на непризнание его трудов.

В тот субботний дождливый вечер, в каморке Корпусного Дома в буэносайресском пригороде Вижа Бажестер, на улице Сан Мартин 344, где ютились его библиотека и книжный магазин, он предстал передо мной еще крепким, кряжистым, но огорченным, охваченным глубоким скепсисом, хотя и не изверившимся в идеалах человеком. Его самоуверенность, вкупе со вспышками нетерпеливости, позволяли догадываться о нелегкости его характера.

Незадолго до моего визита, в “Нашей Стране” от 2 мая 1967 года была напечатана статья Николая Кремнева о военной ложе, принудившей к отречению от престола Государя Императора Николая Второго. В буэносайресском “Русском Слове” от 28 мая откликнулся К. Ассеев, существование ложи отрицавший. Башилов с раздражением обронил: “Какие могут быть сомнения! Конечно была военная ложа. Без заговора генералитета, революция не состоялась бы”.

На мое предложение возобновить сотрудничество, Башилов махнул рукой: “Я вообще сам от себя больше ничего писать не буду; все равно не верят. Я буду лишь воспроизводить слова наших великих мыслителей. Да вот возьмите хотя бы Достоевского: им все сказано! У него можно

найти совершенно законченную русскую политическую концепцию. Да, кроме того, целесообразнее писать книги, а не статьи. Статьи теряются, книги остаются”.

Большую часть своих книг Башилов сперва помещал — полностью или частично — подвалами в “Нашей Стране”, а затем уж использовал гранки для отдельных изданий. Однако еще до опубликования очередной цельной книги он часто выпускал из печати отдельные ее главы под самостоятельными заглавиями, что создавало путаницу для знакомых с его творчеством, но, видимо служило ему необходимым экономическим подспорьем. Причем, спеша выпустить очередной труд, он часто пренебрегал точными ссылками на цитируемые им источники, (характерный, увы, недостаток многих эмигрантских исследователей — например, Андрея Дикого), и порою недостаточно внимательно к ним относился. Так, он философа Семена Франка упорно называл Сергеем. Эта некая небрежность, как ни странно, сочеталась в нем с исключительной дотошностью в изыскании исторических фактов.

Другим подспорьем для далеко не безбедного житья служила его библиотека; особенно в 50-е годы, когда русская политическая эмиграция в Аргентине, — отличавшаяся своим хорошим культурным уровнем, но еще не ставшая экономически на ноги, — не могла себе позволить покупать книги, и жадно брала их в библиотеках Тмарцева, Понтовича, Седляревича.

Тмарцевская библиотека даже имела свое отделение в Темперлее, в другом конце Большого Буэнос Айреса, неподалеку от храма Покрова Пресвятой Богородицы. Представителем Башилова был вечно красноносый книгоноша Володя, робкий симпатяга, долго впрочем не протянувший.

Умер Башилов внезапно, от сердечного припадка, 21-го ноября 1970 года, еще не старым: ему было 61. Сказалась жизнь полная тяжелых эпизодов, среди которых вряд ли не одним из самых мучительных была разлука с оставшейся в России семьей. И это несмотря на то, что он обрел на чужбине беззаветную любовь женщины, не менее ему преданной нежели Лидия Шелест. Это была дочь офицера Императорской Армии, педагога Владикавказского Кадетского Корпуса, Людмила Николаевна Чудинова, по первому браку — Бартош. На ней он женился в

послевоенной Германии.

Во время отпевания Башилова в Свято-Сергиевском храме в Вижа Бажестере, Людмила Николаевна, всегда мягкая и спокойная, в безотчетной тоске и боли не могла примириться с фактом его смерти. В исступлении, она стала восклицать: “Он жив, он жив, он дышит”. Пытавшимся ее успокоить друзьям и почитателям Башилова она твердила, что не даст его похоронить, так как у него уже был случай кататонии, после которого он очнулся. Докторше Ирине Федоровне Вербицкой удалось убедить ее в противном лишь после того как, попросив всех присутствующих выйти из храма, она осталась в нем наедине с его настоятелем и Людмилкой Николаевной...

Выждав несколько недель, я посетил вдову с намерением получить сведения о Башилове для некролога. В информации мне было любезно, но решительно отказано: “Миша всегда очень боялся, как бы из-за него не пострадали его двое детей. Не буду и я подвергать их опасности”.

В начале 80-го года Людмила Николаевна заболела раком легких. Я посетил ее в Корпусном Доме, куда она переехала после смерти мужа; до этого они жили в доме на улице Парана. Чудовищно исхудавшая, она, невзирая на свое мучительное состояние нашла в себе силы передать мне ряд материалов Башилова. В частности, книжку куда он клеивал появившуюся в “Нашей Стране” серию его статей: “Миф о монгольском происхождении политических принципов самодержавия”, “Император Николай Первый” и “Тайна Достоевского” — он видимо примиривался к их отдельной публикации. А также — несброшюрованные главы 9-го тома “Истории русского масонства”, которые я напечатал в газете и присовокупил к ряду комплектов; в том числе к тому, что позже попал в издательство “Наш Современник” (по замыслу Башилова, всего должно бы выйти 10 томов).

Людмила Николаевна объяснила мне тогда, что настоящей фамилией Башилова была Поморцев, но он ее переменил после войны: добавил на документе палочку к букве “П”, и по лапке на двух буквах “о”: получилось Тмарцев.

В тот день она подарила мне его фотографию, которую я опубликовал в “Нашей Стране” к 10-летию смерти писателя, как иллюстрация к заметке “Книги доживут”. В ней предрекалось: “А потом...

потом книги Михаила Алексеевича Тмарцева станут достоянием народа, изголодавшегося по правдивому слову”.

Еще 10 лет спустя (“НС” номер 2102) в статье П. Савельева писалось: “...Надо надеяться, что сейчас книги Башилова потекут на родину и там будут переизданы, ибо они нужны русскому народу”. Так оно и произошло.

Людмила Николаевна — скончавшаяся 26 июня 1979 года — на людях звала Башилова “Мишей”. Известно ли ей было его настоящее имя? А фамилия? Была ли она в курсе замысловатой переписки писателя со своей первой женой? Ведала ли, что любовные стихи, включенные им в рассказ “О немецких соловьях и русских могилах” принадлежали перу Лидии Шелест? Этого нам знать уже не дано.

Но главная тайна Башилова теперь разгадана — и в двойном смысле. Мы узнали о тех, кого он оставил в России, и какая судьба их постигла. Им же открывается его деятельность в годы войны, ставшая причиной его особенной осторожности.

Та боль за русский народ, упомянутая его дочерью, которую он испытывал до войны, привела его после 1941 года в ряды антибольшевицких воинских формирований. Сперва в Русскую Отдельную Народную Армию, описанную им в автобиографической повести “Кто виноват?”, а затем и в Русскую Освободительную Армию генерала Власова. (В “Нашей Стране” от 25 ноября 1950 года он подписал статью “История и будущее”, как “Лейтенант РОА М. Тмарцев”; в ней он сообщал, что конец войны застал его в должности офицера штаба генерала Трухина в Хойберге).

Поэтому выглядят чрезвычайно наивными призывы Лидии Шелест, возвращаться в СССР. Если рядовых эмигрантов, восплававших после войны советским патриотизмом и репатриировавшихся — мгновенно загоняли в концлагеря или в ссылку, то журналиста, с оружием в руках сражавшегося против советской власти, мог ожидать только расстрел. Различные оттепели не сыграли бы здесь никакой роли. Советская власть продолжала казнить обнаруживаемых “коллорабационистов” вплоть до первой половины 80-х годов. И не только советских граждан. Совсем накануне перестройки, проживавший в Брюсселе ветеран Освободительного Движения 1941-45 гг., Ермак Лукьянов, решил поехать на родину тури-

стом: он был немедленно схвачен, судим и расстрелян, несмотря на наличие бельгийского паспорта.

Лидия Шелест, разумеется, ничего не знала о военной антисоветской деятельности Башилова, но даже так, удивительно как она не поняла, что никто иной как НКВД подослал ей "работника типографии в Аргентине". Еще более поразительно ее, журналистки, неведение, что "Голос Родины" был креатурой "органов". И так, бесознательно, по подсказке чекистов, она долгие годы заманивала обожаемого мужа на верную смерть. Только безумной любовью можно объяснить подобное ослепление...

Эта сага вообще отличается трогательными проявлениями верности и любви. Ведь получается, что после смерти Башилова, его друг Н. Н. Кузнецов еще 14 лет согревал души членов его семьи письмами, которые они считали башиловскими! В 1984 письма перестали приходить; вероятно в этом году и умер Н. Н. Кузнецов. Я не нашел его некролога в комплексе "Часового", где регулярно печатались объявления "Калефлуида", но это немудрено: ореховский журнал обычно отзывался только на смерть людей военных.

Боль за русский народ, побудившая Юркевича-Башилова выступить против советской власти, очень скоро оттолкнула его и от солидаристов, с которыми он кратко сотрудничал после войны (в первом номере энтэсовского журнала "Грани", за июль 1946 года, был помещен отрывок из его романа "Агентство Молниеносный Ответ"). Угасание у "нацмальчиков", сиречь солидаристов, именно национального чувства, зависимость их от иностранных разведок, привели писателя в стан русских монархистов и к близкому сотрудничеству с И. П. Солоневичем.

В номере от 30 апреля 1949 года, основатель "Нашей Страны" писал: "Будем надеяться, что в истории русской литературы Б. Башилов будет, так сказать, переломным моментом от оплевательства нашей родины к объективному и художественному описанию ее тернистого исторического пути".

Теперь, когда сошлись все фрагменты причудливой головоломки его личной жизни, и когда в России начали печататься его труды, быть может и настает упоминаемый Иваном Лукьяновичем момент?

НИКОЛАЙ КАЗАНЦЕВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

СОЛЖЕНИЦЫН О ВОЙНЕ

Нам пишут из Москвы:

В связи с ожесточенной критикой Запада военных действий российской армии в Чечне, Александр Солженицын, в телевизионном интервью оправдал решение атаковать чеченских террористов.

Нобелевский лауреат сказал, что прошлая война с Чечней в 1994-96 гг. окончилась неблагоприятно из-за ряда ошибок вызванных алчностью, коррупцией и неправильными суждениями. Однако, в этот раз "не мы атаковали первыми, а они. Наша страна не может отказаться от права на защиту. Мы не можем опустить руки пока будет существовать угроза".

"РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ"

Нам пишут из Москвы:

В руководимой М. Б. Смолиным серии "Пути русского имперского сознания" — приложении к журналу "Москва" — двухтысячным тиражом, впервые в России, вышла книга Ивана Лукьяновича Солоневича "Россия в концлагере".

В аннотации книги отмечается: "Претерпев всевозможные страдания в советских лагерях, Иван Солоневич смог бежать из Свирского лагеря в Финляндию. "Не лагерные, — как писал он впоследствии, — а общероссийские переживания толкнули меня за границу". Удивительная книга Ивана Солоневича, очевидца и участника сложнейших и страшнейших событий первой половины XX столетия, — вечное и талантливейшее напоминание всем нам о борьбе России с внутренним врагом — коммунизмом".

БОРИС БАШИЛОВ

Нам пишут из Курска:

Под заглавием "Спасение России — в согласии благородных сердец" газета "Курская Неделя" опубликовала к 200-летию А. С. Пушкина отрывки из книг покойного сотрудника "Нашей Страны" Бориса Башилова, "заново открывающие нам жизненный путь великого поэта".

Подготовившая публикацию Светлана Дайбова подчеркнула, что "официальная, идеологизированная версия жизни и смерти великого поэта никак не вяжется с тем, что откроет для себя внимательный читатель в книжной серии под общим названием "История русского масонства". Автор ее — Борис Платонович Юркевич (Б. Башилов — литера-

турный псевдоним), журналист, до войны жил в Курске, работал в областной газете "Курская правда". В первые дни войны был мобилизован и вскоре попал в плен... Долгие годы Юркевич-Башилов жил в Аргентине. В одном из последних писем к своей жене, курской поэтессе Лидии Шелест, он писал: "Жизнь подходит к концу, и особенно ясно выделяется одно: главное в жизни — защищать свою родину и соотечественников". Защищать отечество можно по разному... Оружием Бориса Юркевича стало правдивое и неподкупное перо, которым, с помощью обширных познаний и несомненного таланта, он защищал свою родную землю от наветов. А уж желающих клеймить Россию всегда было в избытке: и варварская-то она, и дикая; народ же ленив и бездействен..."

Затем "Курская неделя" написала, что "книги Б. Башилова это методичное, обстоятельное и убедительное развенчивание мифов о ничтожестве и никчемности русского человека. Достаточно прочесть название некоторых глав: "Пламя в снегах", "Миф о русской лени", "Сильные духом". У всех негативных явлений в русской истории были свои объективные причины. Автор отмечает лживые обвинения по адресу России и россиян. Все его доводы базируются на фактическом материале, на статистике, на свидетельствах современников, достойных веры.

Не все, конечно, согласятся с взглядами автора на русскую историю. Всем нам, молодым и старым, прожившим на русской земле в том отрезке времени, что определяется как советский период, почти все бывшее на протяжении веков в истории нашей, преподносилось с той точки зрения, которая была угодна власти предрержащим. Борис Башилов там, вдалеке ото всех и всяческих установок и препон, опираясь на труды многих и многих русских и иностранных историков, имел и использовал главную возможность — полную свободу слова".

В заключение газета отметила: "Порой кажется, что он не оставил без внимания ни одного мало-мальски значительного автора, взявшего на себя труд писать о России, о нелегком, а порой даже трагическом пути ее. Башилов сопоставляет разные мнения и свидетельства, выявляет и осмысливает истоки противоречивости высказываний историков по одним и тем же вопросам. О каком бы смутном, тяжком периоде русской истории ни шла речь, в какое бы тяжелое, унижающее положение не попадала родина наша и люди ее по воле судьбы, он непреклонно отстаивает и честь ее, и славу. И в помощники в этом деле

призывает лучших сынов земли русской: Гоголя, Пушкина, Достоевского — не только гениев литературных, но и великих политических мыслителей, предвидевших судьбы России на столетие вперед".

Публикация сопровождается довоенной фотографией автора "Истории русского масонства".

"ХОРОШАЯ ЖИЗНЬ"

Нам пишут из Москвы:

В ходе опроса общественного мнения, проведенного Научно-Исследовательским Центром Социального Анализа и Статистики было предложено назвать слова, которые больше всего отражают их представление о хорошей жизни.

В итоге, первые десять мест заняли следующие понятия: здоровье 43,1 %, семья — 38,2 %, достаток — 37,5 %, стабильность — 24,9 %, мир — 21,8 %, процветание — 21,7 %, законность — 21,2 %, успех — 17,8 %, любовь — 17,4 %, справедливость — 17 %.

Интересно, что с хорошей жизнью значительно меньшее количество граждан "Российской Федерации" связывают такие слова как порядочность — 14,1 %, свобода — 10,7 %, духовность — 10,6 %, труд — 10 %.

А такие слова, как "культура", "милосердие", "равенство" и "демократия", и вовсе находятся в конце списка.

ВОЗМУЩЕНИЕ ЛЕВЫХ

Нам пишут из Нью Йорка:

Опошлившая науку с легкой руки Чарльза Дарвина расхожая теория о том, что человек произошел от обезьяны, была подвергнута решительной ревизии министерством Образования штата Канзас. Тамашние чиновники заявили, что родство с приматами не укладывается в традиционное библейское учение о жизни на земле первых людей, и распорядились изъять из школьных текстов по биологии дарвиновскую теорию эволюции.

Левая, антирелигиозная часть общественности США взвела от возмущения и иначе как "кретинизмом" почин канзасских чиновников не называет. "Светило" американской геологии и палеонтологии — профессор Гарвардского университета Стивен Гоулд дал канзасскому министерству Образования резкую отповедь в ньюйоркском журнале "Тайм", заявив, что "учение Дарвина столь же точно подтверждается научными исследованиями, как и тот факт, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот".

Таким образом атеист Гоулд возвел "учение" Дарвина, простой теории, в незыблемую научную истину.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основанная 18-9-1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: М. В. Киреев. Редактор Н. Л. Казанцев. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires, Argentina. Тел. и факс: (54-11) 4544-0530. За содержание подписанных материалов отвечают их авторы, чьи мнения не обязательно выражают взгляды редакции. Рукописи не возвращаются. При

перепечатке ссылка на источник обязательна. Цена 1 номера: Аргентина — 1,00 песо; Германия — 1,80 марок; Франция — 5 франков. США и остальные страны — 1 ам. доллар; Объявления: за 1 см. в 1 колонку — цена 4 экземпляров газеты. Выписывать чеки: Miguel Kireeff, for deposit only. Переводы только на: Citibank, N. A., 6105 Jericho Turnpike, Commack, NY 11725, USA. Account N° 78516453.

©"NASHA STRANA"—"NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Registro Nacional de Propiedad Intelectual N°949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578, 1430 Buenos Aires, Argentina.

Correo Argentino	Franqueo pagado. Conces. N° 4233
Sucursal 30 (B)	Interes General. Conces. N° 3980